

УДК 343.9

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Анна Михайловна Репьева

Юридический институт Российского университета транспорта, Москва, Россия, anna-repeva@yandex.ru

Аннотация. Рецидивная преступность представляет собой один из наиболее социально опасных видов преступности, требующих всестороннего теоретического осмысления и разработки эффективных мер предупреждения. Несмотря на наблюдаемую тенденцию к снижению общего количества осужденных за повторные преступления, сохраняется повышенная криминальная активность рецидивистов, что определяет актуальность настоящего исследования в контексте уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

В статье проведен анализ рецидивной преступности как ключевого негативного феномена современной криминологии. Особое внимание уделяется детальному описанию ее качественных характеристик и количественных показателей. Методологическая основа работы опирается на диалектический метод познания как фундаментальный, дополненный формально-юридическим подходом и методом интерпретации правовых норм.

Эмпирическая база исследования включает изучение официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики и Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2020—2025 гг. На основе проведенного анализа делается обоснованный вывод о том, что при общем сокращении численности рецидивистов наблюдается рост их преступной активности, выражающейся в усилении тяжести совершаемых преступлений, частоты совершения преступлений и устойчивости криминальных связей.

В работе систематизированы ключевые детерминанты рецидивной преступности. На этой основе предлагается комплекс мер превентивного характера, включающий совершенствование способов ресоциализации осужденных, оптимизацию постпенитенциарного сопровождения и усиление межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: рецидивная преступность, личность рецидивиста, детерминанты преступности, предупреждение, ресоциализация осужденных

Для цитирования: Репьева А. М. Рецидивная преступность: современное состояние и направления предупреждения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 59—70.

RECIDIVISM: ACTING SITUATION AND DIRECTIONS TO PREVENT

Anna Mikhailovna Repieva

Law Institute of the Russian University of Transport, Moscow, Russia, anna-repeva@yandex.ru

Abstract. Recidivism is one of the most socially dangerous types of crime, requiring a comprehensive theoretical understanding and developing effective preventive measures. Despite the observed downward trend in the overall number of persons convicted of repeat offences, increased criminal activity among repeat offenders is kept, making this research topical in the context of the Russian Federation's penal policy.

In this article, the author analyzes recidivism as a key negative phenomenon in modern criminology. She focuses on a detailed description of its qualitative characteristics and quantitative indicators. The methodological basis of the research is based on the dialectical method of cognition as a fundamental one, supplemented by a formal legal approach and a method to interpret legal norms.

The empirical basis of the research includes an examination of official statistical data from the Federal State Statistics Service and the Ministry of the Interior of the Russian Federation for 2020—2025. Based on the made

analysis, the author concludes that, despite an overall decrease in the number of repeat offenders, there is an increase in their criminal activity, demonstrated in an increase in the severity of the crimes committed, the frequency of crimes committed, and the stability of criminal ties.

The research systematizes the key determinants of recidivism. Based on this material, a set of preventive measures is proposed, including improving methods of resocialization of the convicts, optimizing post-penitentiary support, and strengthening inter-branch cooperation.

Keywords: recidivism, recidivist personality, determinants of crime, prevention, resocialization of the convicts

For citation: Repieva A. M. Recidivism: acting situation and directions to prevent. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 59—70, 2026. (In Russ.).

В криминологической доктрине приоритетное внимание уделяется разработке и внедрению наиболее эффективных мер предупреждения преступности. При этом наблюдается разнообразие концептуальных подходов к определению криминологического рецидива и его отличий от уголовно-правового понимания данного явления. Если в уголовном праве основной акцент делается на «совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление» (ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)) [1, с. 14], то в криминологии понятие «рецидивная преступность» в широком смысле охватывает все вновь совершенные преступления (умышленные и неосторожные), за которые виновный как был, так и не был осужден [2, с. 66]. Другой, узкий подход, предлагаемый рядом ученых, заключается в том, что рецидив может быть констатирован исключительно при наличии ранее примененных к виновному мер уголовной ответственности [3, с. 61; 4, с. 108]. Такое понимание рецидивной преступности представляется наиболее обоснованным, поскольку обеспечивает адекватное осмысление личности рецидивиста, выявление детерминантов рецидивной преступности, обстоятельств продолжения криминальной деятельности после уголовно-правового воздействия на рецидивиста, а также разработку целенаправленных мер предупреждения этого явления.

Стоит отметить, что особая общественная опасность рецидивной преступности обусловлена характеристиками личности самого рецидивиста: повторное совершение преступления свидетельствует о сознательном противопоставлении преступником себя нормам социального поведения, устойчивой антисоциальной ориентации, неприятии правовых установлений, а также повышении уровня организованности и профессионализма его криминальной деятельности. Подобная ситуация порождает существенно более тяжелые негативные последствия для государства и общества,

включая подрыв авторитета власти и снижение уровня общественного доверия к системе обеспечения безопасности и правопорядка.

Изучение статистических данных говорит о сложности воздействия на рецидивную преступность в Российской Федерации: за последнее десятилетие доля ранее судимых лиц среди общего числа выявленных преступников практически не изменилась (в 2016 г. — 49,8 %, в 2025 г. — 49,7 %). Такая ситуация подтверждает криминологическую аксиому: уровень рецидива свыше 40 % требует корректировки уголовно-исполнительной и превентивной политики, поскольку указывает на недостаточную эффективность уголовного наказания [5, с. 390].

Рецидивная преступность представляет собой сложное негативное социально-правовое явление, обладающее выраженными закономерностями, которые подлежат последовательному анализу с позиций качественных и количественных характеристик.

1. Тяжесть последствий рецидивной преступности. Рецидивная преступность неизменно влечет за собой более тяжкие социально-правовые последствия по сравнению с первичной преступностью, что обусловлено повышенным уровнем общественной опасности личности рецидивиста, сложностью выявления преступлений и нейтрализации детерминантов, их порождающих.

2. Высокая общественная опасность рецидивной преступности. Данный феномен проявляется в распространении криминального образа жизни, антисоциальных норм и взглядов, а также формировании общественного восприятия неэффективности правоохранительной и уголовно-исполнительной систем. В итоге возникает риск системного «кризиса правосознания» у населения.

3. Широкая распространенность рецидивной преступности. Согласно официальным данным МВД России, в 2025 г. удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, составил 53,7 % от общего числа выявленных преступлений. В отдельных регионах

показатель удельного веса преступлений (от числа расследованных), совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, превысил 68 % (Кемеровская область — 68,6 %; Вологодская область — 68,3 %; Кировская область — 68,3 %)¹. Динамика этого показателя за последние пять лет носит волнообразный характер, при этом в 2025 г. он был минимальным (см. табл. 1).

4. Устойчивость преступного поведения. Рецидивная преступность отличается устойчивостью

криминального поведения, что подтверждается уровнем многократного рецидива, составляющим около 1/3 всех рецидивных преступлений. Удельный вес ранее судимых лиц среди лиц, ранее совершавших преступления, за последние годы в среднем достиг 51 % с тенденцией к стабильности в 2020—2024 гг. и резким снижением до 49,7 % в 2025 г. (см. табл. 2). Однако в ряде субъектов Федерации этот индикатор превышает 65 % (Республика Ингушетия — 68,7 %; Московская область — 65,7 %)².

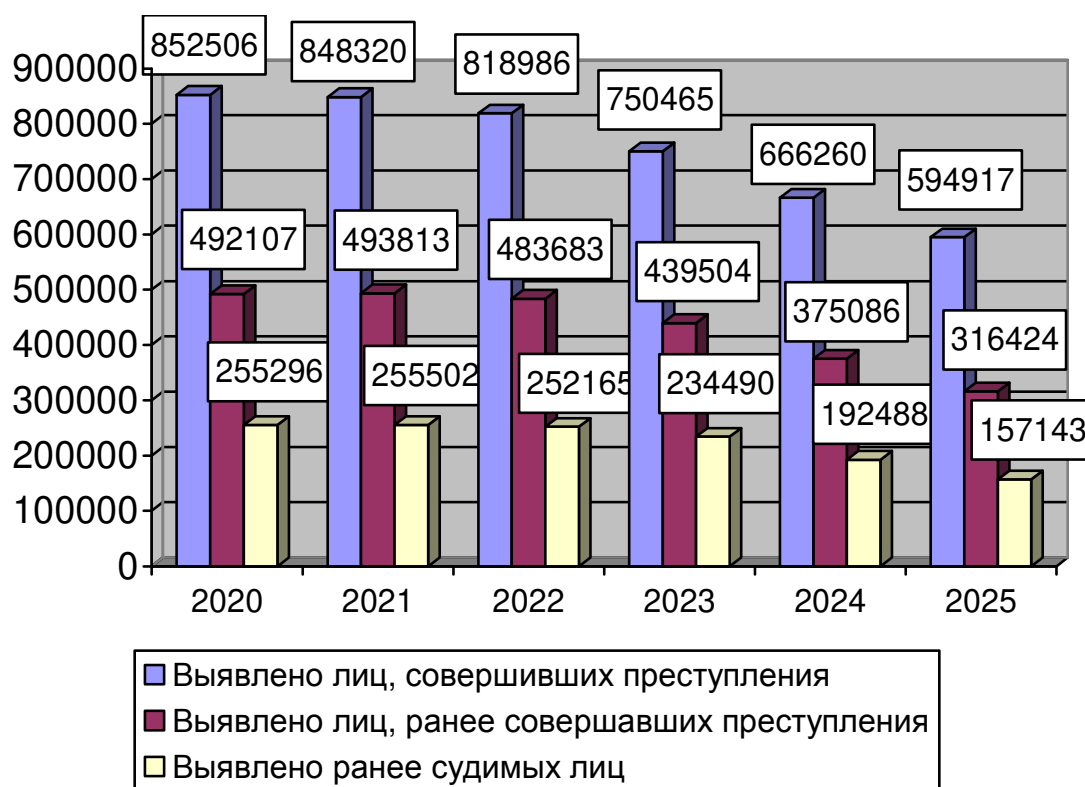

Рис. 1. Динамика выявления лиц, ранее совершавших преступления, и лиц, ранее судимых за совершение преступлений, среди общего количества лиц, совершивших преступления в 2020—2025 гг. в России

¹ Состояние преступности в России за 2020—2025 год // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 19.02.2026).

² Состояние преступности в России за 2020—2025 год.

Таблица 1

Динамика рецидивной преступности в 2020—2025 гг.

Преступлений совершено	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего преступлений	2 044 221	2 004 404	1 966 795	1 947 161	1 911 258	1 771 174
Прирост / снижение, %	1,0	—1,9	—1,9	—1	—1,8	—7,3
Преступления совершены лицами, ранее совершавшими преступления	617 184	618 158	625 743	596 290	513 915	458 861
Прирост / снижение, %	—0,1	0,2	1,2	—4,7	—13,8	—10,7
Удельный вес от расследованных преступлений, %	59,8	60,0	60,4	59,8	57,1	53,7
Преступления совершены лицами, ранее судимыми	344 383	346 328	356 584	347 818	288 531	251 216
Прирост / снижение, %	0,3	0,6	3,0	—2,5	—17,0	—12,9
Удельный вес от расследованных преступлений, %	33,4	33,6	34,4	34,9	32,1	29,4

Таблица 2

Динамика рецидивной преступности в 2020—2025 гг.

Выявлено лиц, совершивших преступления	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего лиц	852 506	848 320	818 986	750 465	666 260	594 917
Прирост / снижение, %	—3,6	—0,5	—3,5	—8,4	—11,2	—10,7
Ранее совершавших преступления	492 107	493 813	483 683	439 504	375 086	316 424
Прирост / снижение, %	—2,4	0,3	—2,1	—9,1	—14,7	—15,6
Удельный вес в общем числе выявленных лиц, в %	57,7	58,2	59,1	58,6	56,3	53,2
Из них ранее судимых за преступления	255 296	255 502	252 165	234 490	192 488	157 143
Прирост / снижение, %	—2,5	0,1	—1,3	—7,0	—17,9	—18,4
Удельный вес от числа лиц, ранее совершавших преступления, %	51,9	51,7	52,1	53,4	51,3	49,7

5. Преобладание многократного и специально-го рецидива. Характерной чертой является доминирование многократного рецидива и высокий удельный вес специального рецидива, отражающий профессионализацию рецидивистов в выбранных криминальных сферах. Осужденные используют накопленный опыт для трансформации способов совершения преступлений, включая маскировку следов с учетом возможностей их

выявления правоохранительными органами, обход видеонаблюдения, применение криптовалют в мошенничестве. В криминологической доктрине отмечается, что у рецидивистов, осужденных за преступления против собственности, специальный рецидив превышает общий уровень [2, с. 67].

6. Корыстный мотив криминальных интересов. Рецидивная преступность преимущественно носит корыстный характер с преобладанием преступле-

ний против собственности, общественной безопасности и личности. Две трети рецидивных преступлений составляют кражи, грабежи, разбои и мошенничество [2, с. 68].

7. Связь с организованной преступностью. Феномену рецидивной преступности присуща тесная связь с организованной и профессиональной преступностью. Значительная доля участников групповых форм совершения преступлений имеет судимости, что обеспечивает высокий уровень сложности в их выявлении и разоблачении [3, с. 62].

8. Рост интенсивности с увеличением количества судимостей. Нарастание количества судимостей у рецидивистов коррелирует с повышением интенсивности совершения ими новых преступлений, особенно при низкой эффективности их ресоциализации. В данных условиях укрепляются криминальные навыки рецидивистов, а также их осознанный выбор криминального пути решения жизненных проблем [4, с. 110].

Следовательно, на фоне общего сокращения числа рецидивистов их преступная активность усиливается. Кроме того, с увеличением числа судимостей уменьшается временной интервал до совершения нового преступления. Исходя из перечисленных закономерностей, актуализируется необходимость изучения детерминантов рецидивной преступности для разработки мер по ее предупреждению.

Основная задача государства в предупреждении рецидивной преступности — это нейтрализация, минимизация, устранение причин и условий, которые ей способствуют. К числу причин и условий рецидивной преступности относят *социально-экономические, социально-психологические, организационно-правовые, социально-политические и культурно-нравственные* детерминанты.

В криминологической доктрине *социально-экономические детерминанты* неизменно признаются приоритетными и наиболее весомыми среди причин и условий рецидивной преступности. Поскольку рецидивная преступность по сравнению с первичной структурно более сложно устроена, социально-экономические детерминанты выступают определяющими в выборе лицом, ранее совершавшим преступление, именно криминального варианта деятельности после отбытия наказания, в том числе после освобождения из мест лишения свободы. К социально-экономическим детерминантам рецидивной преступности можно отнести:

1. Высокий уровень безработицы среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и сопутствующие низкие показатели их трудоустрой-

ства. Отсутствие стабильного законного источника дохода после освобождения объективно провоцирует повышенный риск повторных преступлений, поскольку вынуждает бывших осужденных прибегать к привычным криминальным способам удовлетворения базовых материальных потребностей. Согласно докладам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации жалобы на проблемы трудоустройства преимущественно исходят от бывших осужденных, а свыше 60 % выявленных рецидивистов в момент совершения нового преступления не имели постоянной работы и стабильного дохода¹. Эта связь особенно отчетливо проявляется в контексте общих проблем на рынке труда: низкой заработной платы, ограниченной востребованности, неполной занятости и нежелания работодателей оформлять официальные трудовые отношения. Низкий уровень образования и профессиональной подготовки существенно ограничивает возможности социальной реинтеграции. Лица с недостаточным образовательным уровнем и профессиональными навыками испытывают хронические трудности в поиске работы, что снижает их конкурентоспособность на рынке труда и затрудняет ресоциализацию, усугубляя маргинализацию. Низкая квалификация и невыгодные условия труда усугубляют ситуацию, делая криминальные способы заработка (кражи, мошенничества, грабежи) более привлекательными по сравнению с легальными альтернативами.

Опросы осужденных на этапе подготовки к освобождению выявляют пробелы в ключевых компетенциях: отсутствие знаний о легальных механизмах решения финансовых и бытовых проблем, финансовой грамотности, а также понимания современных общественных трансформаций, таких как цифровизация и информатизация повседневных процессов [6, с. 240]. В совокупности эти проблемы формируют когнитивно-поведенческие барьеры, превращаясь в одну из доминирующих детерминантов возврата к преступной деятельности как к наиболее простому, доступному и предсказуемому пути выживания.

2. Социальное неравенство и низкий уровень жизни в отдельных регионах. В криминологических исследованиях при проведении сравнительного

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 19.02.2026).

анализа социально-экономических показателей субъектов Федерации была установлена прямая зависимость между уровнем социально-экономического развития региона и показателями рецидивной преступности [7, с. 228—233; 8, с. 119—124]. В частности, в регионах с наиболее низкими показателями социально-экономического развития (депрессивные территории с высоким уровнем бедности, ограниченной инфраструктурой и т. д.) фиксируется статистически значимый рост уровня рецидивной преступности. Эта зависимость обусловлена ограниченными возможностями социальной мобильности населения, усилением маргинализации и ослаблением институтов социального контроля, что особенно сильно сказывается на лицах с судимостью в постпенитенциарный период.

Степень поляризации в обществе обычно исследуется с помощью коэффициента Джини — числового индекса, иллюстрирующего степень неравномерности распределения доходов среди населения (так называемого «расслоения общества»). Его диапазон рассчитывается от 0 до 1, где 0 соответствует абсолютному равенству, а 1 — абсолютному неравенству, иначе — чем ближе показатель к 1, тем выше разрыв между населением с самыми высокими и с самыми низкими доходами. Согласно данным Росстата, в России коэффициент Джини по итогам 2025 г. вырос до 0,411 (в 2024 г. — 0,408, в 2023 г. — 0,405, в 2022 г. — 0,395, в 2021 г. — 0,409, в 2020 г. — 0,406)¹.

Ярко выраженное социальное неравенство создает условия, при которых у лиц, имеющих судимость, формируется уверенность в своей «ущербности», невозможности достичь даже среднего уровня жизни и, как следствие, психологическое противопоставление себя обществу, что, безусловно, усиливает склонность к повторным преступлениям.

3. Невозможность обеспечения базовых потребностей после отбытия наказания. Отсутствие постоянного места жительства (регистрации) после освобождения из мест лишения свободы существенно ограничивает доступ к ключевым социальным институтам — здравоохранению, образо-

ванию, социальному обслуживанию и трудоустройству, выступая мощным детерминантом рецидивной преступности. За период отбывания наказания осужденные нередко утрачивают жилье или право на пользование им по ряду объективных обстоятельств, что провоцирует хроническую необеспеченность базовых жизненных потребностей, формирует уязвимое психоэмоциональное состояние, усиливая восприимчивость к криминогенному воздействию и стрессогенную дезадаптацию. Более того, отсутствие собственного жилья вынуждает бывших осужденных проживать в помещениях с высокой концентрацией маргинального и криминализованного контингента, что не только тормозит процессы социальной реинтеграции и ресоциализации, но и существенно повышает вероятность повторного вовлечения в преступную деятельность.

Социально-психологические детерминанты играют значимую роль в существовании рецидивной преступности, плотно взаимодействуя, пересекаясь с социально-экономическими. К ним можно отнести:

1. Сложные семейные и социальные условия. Исследования показывают, что наличие стабильных семейных связей снижает риск повторных преступлений практически вдвое [7, с. 228—233; 8, с. 119—124]. Однако отбывание наказания в виде лишения свободы, как и сам факт осуждения, часто становится поводом для разрушения семьи, утраты социальных связей и, как следствие, отсутствия поддержки со стороны близких, что значительно увеличивает риск рецидива.

2. Психологические особенности личности. У рецидивистов отмечается наличие таких специфических черт, как импульсивность, низкий уровень самоконтроля, заниженная самооценка, укоренившееся чувство неполноценности. Кроме того, длительное нахождение в местах лишения свободы формирует устойчивое превалирование норм криминальной субкультуры, которые становятся доминирующими в их ценностной системе².

3. Высокий уровень социальной дезадаптации. Бывшие заключенные сталкиваются со значительными трудностями в коммуникации, у них отсутствуют навыки построения долгосрочных

¹ Социально-экономическое положение России (2025 год): доклад Федеральной службы государственной статистики // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2025.pdf> (дата обращения: 19.02.2026).

² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 19.02.2026).

планов, разрешения сложных конфликтных ситуаций путем переговоров. Кроме того, рецидивистам сложно установить «здоровые» социальные контакты, тогда как налаживание связей с криминально ориентированными гражданами происходит значительно проще, что создает условия для повторных преступлений. Психологи также отмечают, что свыше 70 % рецидивистов имеют когнитивные искажения, а именно: отрицание собственной вины, оправдание совершенного преступления, занижение общественной опасности совершенного деяния [7, с. 228—233; 8, с. 119—124].

Организационно-правовые детерминанты включают в себя совокупность просчетов в правовой системе, правоприменительной практике, организации уголовно-исполнительной системы и механизмах ресоциализации осужденных:

1. Отток квалифицированных кадров из правоохранительных структур, проявляющийся в штатной некомплектованности МВД России и ФСИН России на уровне около 20 %, существенно перегружает ключевых субъектов профилактики рецидивной преступности [9, с. 76]. Подобный кадровый дисбаланс препятствует проведению системной превентивной работы, своевременному выявлению провоцирующих обстоятельств и оказанию адресной поддержки лицам группы риска. Аналогичные ограничения затрагивают процессы исправления осужденных в пенитенциарных учреждениях, снижая эффективность мер по предупреждению новых преступлений как в период отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период.

2. Отсутствие преемственности и координации между субъектами профилактики рецидивной преступности представляет собой системный организационно-правовой дефект, существенно снижающий действенность постпенитенциарной ресоциализации. В настоящее время фиксируется выраженная рассогласованность усилий ключевых институтов: исправительных учреждений, уголовно-исполнительных инспекций (применительно к условно-досрочному освобождению), органов внутренних дел, муниципальных исполнительных органов по месту предполагаемого проживания бывших осужденных, центров занятости и негосударственных организаций [10, с. 177]. Дефицит унифицированных баз данных, специализированных реестров и механизмов оперативного информационного обмена принципиально затрудняет, а в ряде случаев исключает возможность формирования целостной системы взаимодействия,

направленной на комплексное сопровождение и ресоциализацию бывших осужденных.

3. Недостаточная эффективность системы постпенитенциарной ресоциализации остается существенным организационно-правовым барьером в противодействии рецидивной преступности. В настоящее время в России сформирована нормативная правовая база, регулирующая указанные процессы. В частности, Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ¹ устанавливает порядок коррекции социального поведения, ресоциализации и адаптации лиц, в отношении которых применяется пробация, с акцентом на предупреждение новых преступлений. Дополнительно приказ Министерства юстиции России «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация» от 29 ноября 2023 г. № 350² детализирует правила социальной и воспитательной работы, оказания психологической помощи, а также содействия в трудовом и бытовом устройстве бывших осужденных. Однако наличие законодательной базы само по себе не гарантирует эффективности ресоциализационных мероприятий. После вступления в силу данных нормативных правовых актов к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации продолжились поступать индивидуальные обращения от осужденных, в том числе от лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с просьбами о содействии в процессах социальной адаптации и ресоциализации³. Для достижения системности и результативности в этом направлении требуется длительный период организационного налаживания взаимодействия, ресурсного обеспечения и методического сопровождения, что подчеркивает необходимость комплексного перехода от декларативных норм к практическим механизмам постпенитенциарной поддержки.

4. Недостатки в осуществлении надзора за лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, или ненадлежащее применение контрольно-профилактического воздействия существенно ограничивают эффективность постпенитенциарных мер. Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными

¹ URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.03.2026).

² Там же.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год.

из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ¹ представляет собой фундаментальный нормативный правовой акт, регулирующий механизм административного пресмотра за субъектами, отбывшими наказание в виде лишения свободы и сохраняющими потенциальную общественную опасность после освобождения. Надзорные меры дифференцированы законодателем с учетом характера совершенных преступлений (рецидив преступлений, умышленные преступления в отношении несовершеннолетних и т. д.), особенностей личности, а также уголовно-правовых последствий судимости. По сути, данный институт направлен на охрану общественного порядка путем нейтрализации вероятных угроз государству и обществу, которые не поддаются минимизации иными средствами [11, с. 63]. Административный надзор выполняет ключевую функцию в профилактике рецидивной преступности, способствуя укреплению безопасности. Несмотря на детальную регламентацию механизмов административного надзора и значительную практику их реализации, в правоприменении сохраняются значительные проблемы, препятствующие задействованию его полного потенциала: расплывчатость критериев отнесения лиц к категории потенциально опасных, провоцирующая субъективизм в решениях об установлении надзора; дефицит ресурсного обеспечения органов надзора, который снижает эффективность пресмотра и приводит к его формализации; недостаточная нормативная проработка отдельных аспектов, включая взаимодействие с органами местного самоуправления, медицинскими учреждениями и работодателями освобожденных лиц, и т. д. Данные противоречия подчеркивают необходимость совершенствования механизма административного надзора для повышения его превентивной эффективности.

Социально-политические детерминанты в большинстве своем связаны с нестабильностью государственной политики и несовершенством правоохранительной системы. Отметим некоторые из них:

1. Современное уголовное законодательство характеризуется высокой скоростью изменений, что обусловлено необходимостью оперативного реагирования на социально-политические трансформации. В частности, за 2020—2025 гг. был принят 31 федеральный закон, вносящий изменения в УК РФ, что отражает нестабильный характер законодательной политики. Такая спешка в приня-

тии решений, хотя и обеспечивает быстрое реагирование государства на общественные вызовы, неизбежно порождает ряд системных проблем: фрагментарность нормативного материала, приводящая к отсутствию внутренней согласованности и системности; возникновение правовых коллизий, усложняющих единообразное толкование норм; трудности правоприменительной практики, связанные с неоднозначностью формулировок и несогласованностью положений; дефицит методического сопровождения. Часто законодательные изменения не сопровождаются разработкой разъяснительных материалов, повышением квалификации судей, прокуроров, сотрудников ФСИН России и МВД России, что снижает эффективность их реализации и усиливает правоприменительные риски. Данные противоречия подчеркивают необходимость перехода от отрывочных поправок к комплексному реформированию уголовного законодательства с обязательным институциональным сопровождением.

2. Недостаточное финансирование программ ресоциализации осужденных представляет собой системный дефицит ресурсного обеспечения постпенитенциарной адаптации, существенно ограничивающий эффективность мер по профилактике рецидивной преступности. Анализ ассигнований ФСИН России за последние годы выявляет хроническое недофинансирование целевых программ. Расчет удельного веса средств, выделяемых на социальную адаптацию освобожденных лиц, демонстрирует, что они составляют менее 2—3 % от общего бюджета ФСИН, преимущественно распределяемого на содержание мест лишения свободы и логистику. Отмеченный ресурсный дефицит обусловлен приоритетами бюджетной политики, ориентированной на текущие операционные расходы в ущерб долгосрочным превентивным программам. В результате реализация мер по трудоустройству, психологической поддержке и жилищному обеспечению носит эпизодический характер, что подтверждается статистикой рецидива (40—50 % в первые три года после освобождения) и ежегодными жалобами освобожденных в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации².

3. Российская Федерация на протяжении многих лет остается принимающей страной для трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья (СНГ), а в последние годы — также из регионов

¹ URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.03.2026).

² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год.

Африки и Юго-Восточной Азии. По оценкам специалистов, на начало 2025 г. в России находилось около 6,3 млн иностранцев, из которых значительная доля (до 40—50 %) осуществляет трудовую деятельность нелегально — с просроченными патентами, отсутствием регистрации или нарушением миграционного режима. Такое положение делает мигрантов уязвимыми для вовлечения в противоправную деятельность, включая транснациональную преступность и экстремизм [12, с. 134]. Освобожденные из мест лишения свободы мигранты сталкиваются с усугубленными социальными барьерами: ограниченными возможностями легального трудоустройства, низким уровнем владения русским языком и незнанием национального законодательства, что резко повышает риск рецидива. Административное выдворение как преобладающая мера реагирования на их противоправные действия оказывается не всегда эффективной: значительная часть выдворенных лиц возвращается в Россию в кратчайшие сроки, возобновляя преступную деятельность. Эффективность превентивных мер в значительной степени снижается из-за проблем в международном сотрудничестве — ограниченных возможностей экстрадиции и слабого взаимодействия с правоохранительными органами стран происхождения мигрантов. Ученые отмечают, что отсутствие системного отслеживания криминальной мобильности транснациональных субъектов приводит к росту рецидива на 20—30 % среди этой категории [12, с. 135].

Культурно-нравственные детерминанты рецидивной преступности формируют специфический блок причин и условий, дезорганизуя внутренние механизмы социального контроля и способствующих повторному противоправному поведению:

1. Утрата традиционных ценностей — дегуманизация общественного сознания, характеризующаяся деформацией историко-культурных, нравственных и религиозных ориентиров (семейные ценности, трудолюбие, патриотизм), приводит к ослаблению самоконтроля и нивелированию моральных барьеров перед рецидивом преступлений.

2. Дефекты семейного воспитания — негативный семейный фон (алкоголизм, наркомания, антисоциальные установки, внутрисемейное насилие, отсутствие контроля за детьми) формирует криминогенные черты личности, обеспечивая преэмоциональность девиантного поведения.

3. Медиадетерминанты — средства массовой информации, популяризирующие насилие, агрес-

сию и толерантность к отклонениям, выступают катализатором нравственной деградации, усиливая рецидивные мотивы.

4. Криминальная субкультура — распространение тюремных традиций и понятий как внутри пенитенциарной системы, так и в сообществах бывших осужденных искажает правосознание и оправдывает повторную преступность.

Комплексный анализ указанных детерминантов обеспечивает основу для точного прогнозирования изменений рецидивной преступности и разработки стратегий ее предупреждения. Их взаимосвязь формирует причинно-следственные цепи: социально-экономические трудности (безработица, отсутствие жилья) провоцируют деморализацию, которая в сочетании с низкой правовой культурой и нигилизмом обуславливают рецидив. Основная стратегическая задача государства в предупреждении рецидивной преступности заключается в целенаправленном устранении, нейтрализации, минимизации, корректировке перечисленных выше причин и условий, порождающих ее.

Социально-экономические меры предупреждения рецидивной преступности требуют первоочередного внимания, поскольку именно они определяют материальную основу постпенитенциарной адаптации. Для преодоления высокого уровня безработицы и обеспечения занятости необходимо продолжить и расширить государственные программы квотирования рабочих мест для лиц с судимостью (до уровня 3—5 % вакансий в приоритетных отраслях) с предоставлением субсидий и налоговых льгот работодателям, а также создания центров профессиональной подготовки в исправительных учреждениях с фокусом на востребованные специальности (логистику, строительство и т. д.), обеспечивающие гарантированное трудоустройство после освобождения. Индивидуальные подходы к трудоустройству с сопровождением уголовно-исполнительными инспекциями в течение 6—12 месяцев минимизируют риск возврата к криминальным моделям поведения. Снижение социального неравенства может достигаться адресными социальными выплатами и программами повышения социальной мобильности для нуждающихся в этом групп населения, включая мониторинг коэффициента Джини с корректировкой региональных мер в депрессивных территориях. Низкий уровень жилищных условий может восполняться восстановлением жилищных прав через упрощенные процедуры регистрации и предоставление социального жилья в формате центров адаптации (на 6—12 месяцев), а также созданием

центров ресоциализации с доступом к базовым услугам. Наконец, дефицит образования должен устраняться обязательным профессиональным обучением спецконтингента с выдачей дипломов государственного образца, программами финансовой грамотности и цифровой компетентности, реализуемыми через партнерство с вузами и онлайн-платформами.

Социально-психологические меры предупреждения рецидивной преступности реализуются через семейно-ориентированную работу, включающую программы медиации для сохранения семейных связей и воссоединения после освобождения, а также поддержку родственников. Психологические отклонения осужденных корректируются диагностикой и когнитивно-поведенческой терапией в исправительных учреждениях, постпенитенциарным надзором в течение года — двух лет и профилактикой криминальной субкультуры посредством культурно-досуговых программ ценностной переориентации. Социальная дезадаптация преодолевается навыковыми тренингами коммуникативной компетентности и конфликтологии, программами реинтеграции с поддержкой волонтеров и мониторингом когнитивных искажений.

Организационно-правовые меры предупреждения рецидивной преступности включают в себя комплексную кадровую политику, направленную на удержание специалистов во ФСИН России и МВД России через повышение заработной платы сотрудников до конкурентоспособного уровня на рынке труда, обеспечение карьерного роста, подготовку кадрового резерва и цифровизацию работы для снижения нагрузки на сотрудников, реализацию жилищных программ и других мер социальной поддержки. Слаженное взаимодействие субъектов профилактики должно обеспечиваться единой цифровой платформой с реестром лиц группы риска и планами сопровождения, регулярными межведомственными встречами и едиными стандартами постпенитенциарного надзора. Эффективность ресоциализации может значительно повыситься в случае обеспечения финансирования института пробации на уровне 5—7 % бюджета ФСИН России, разработки методик оценки программ и проектов комплексного сопровождения в регионах высокого рецидива. Просчеты административного надзора минимизируются уточнением критериев отбора с автоматизацией, увеличением ресурсного обеспечения и расширением взаимодействия с работодателями, медучреждениями и муниципалитетами.

Социально-политические меры предупреждения рецидивной преступности требуют продолжения реализации долгосрочной Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018—2035 гг.)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420¹, с экспертно-аналитическим сопровождением изменений, системной подготовкой правоприменителей и устранением правовых коллизий. Миграционные риски снижаются усилением контроля легализации приезжих, программами языковой и правовой адаптации, а также механизмами международного сотрудничества по рецидивистам.

Культурно-нравственные меры предупреждения рецидивной преступности связаны с реализацией государственных программ патриотического, правового, религиозного воспитания в пенитенциарных учреждениях и кампаний общественного осуждения рецидива. Недостатки семейного воспитания устраняются просветительскими программами профилактики детской преступности и социальной работой с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Негативное влияние СМИ минимизируется мониторингом информации со стороны Роскомнадзора и других субъектов, а криминальные традиции — программами декриминализации субкультуры и внедрением альтернативных ценностей.

Реализация предложенного комплекса в условиях федеральной координации, ресурсного обеспечения и мониторинга эффективности позволит существенно снизить рецидивную преступность в среднесрочной перспективе. Важно также понимать, что перечисленные меры предупреждения рецидивной преступности призваны действовать в совокупности, только путем взаимодополнения друг друга. С их помощью возможно создать условия, способствующие максимально результативной политике предупреждения рецидивной преступности и обеспечению национальной безопасности государства. Эффективное противодействие рецидиву преступлений невозможно без системной государственной политики, сочетающей правоохранительные меры с программами ресоциализации, трудоустройства, психологической поддержки и восстановления социальных связей, а также в целом формирования современной, гибкой и эффективной уголовной политики.

¹ URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.03.2026).

1. Гончарова М. В. Основные черты рецидива корыстных преступлений / под ред. засл. деятеля науки РФ д-ра юрид. наук, проф. Ю. М. Антонына. Москва: ВНИИ МВД России, 2012. 110 с.

2. Ничуговская О. Н. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 65—69.

3. Поляков А. В. Актуальные аспекты прогностической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: проблемы и пути их решения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (73). С. 60—63.

4. Попов С. В. Роль и значение конфиденциального содействия в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 106—113.

5. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2018. 517 с.

6. Гончарова М. В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 457 с.

7. Филиппова О. В. Состояние рецидивной преступности и социально-экономическое положение региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 228—233.

8. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 119—124.

9. Мелихов А. И., Лобасева Е. Г. Образовательное и научное обеспечение профессиональной подготовки оперативных сотрудников полиции через призму теории национальной безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 75—82.

10. Поляков А. В. О некоторых вопросах организации работы сотрудников уголовного розыска // VII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии»: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 14 декабря 2018 г.). Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. С. 176—178.

1. Goncharova M. V. Main features of recidivism of crimes of personal gain. Red. by Yu. M. Antonyan, honored scientist of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, full professor. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2012: 110. (In Russ.).

2. Nichugovskaya O. N. Resocialization and social adaptation of the convicts in the penal system of the Russian Federation. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 65—69, 2021. (In Russ.).

3. Polyakov A. V. Topical aspects of prognostic activities of detective units of the internal affairs bodies: problems and ways to solve them. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 60—63, 2023. (In Russ.).

4. Popov S. V. Role and importance of confidential assistance in detective activities. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 106—113, 2025. (In Russ.).

5. Gilinsky Ya. I. Criminology: theory, history, empirical base, social control. Author's Course. 4th ed., rev. and suppl. Saint Petersburg: Alef-Press; 2018: 517. (In Russ.).

6. Goncharova M. V. Recidivism of crimes of personal gain and its prevention. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2014: 457. (In Russ.).

7. Filippova O. V. Recidivism and socio-economic situation of the region. Tomsk State University Journal, 228—233, 2023. (In Russ.).

8. Mikhailova Ye. V. Criminological characteristics of recidivism in Russia. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 119—124, 2024. (In Russ.).

9. Melikhov A. I., Lobaseva Ye. G. Educational and scientific support for the professional training of detective officers of police through the prism of national security theory. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 75—82, 2024. (In Russ.).

10. Polyakov A. V. On some issues of organizing the work of criminal investigation officers. In: VII Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". Works of the international scientific-practical conference (Kaliningrad, 14 December 2018). Kaliningrad: Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry

11. Репьев А. Г., Кашкина Е. В. Специальные принципы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: сущность, содержание и виды // Административное право и административный процесс. 2019. № 2. С. 61—65.

12. Мелихов А. И., Костюченко Н. И. Ключевые факторы обеспечения национальной безопасности в сфере миграции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 134—141.

Репьева Анна Михайловна,

исполняющий обязанности
заведующего кафедрой
уголовного права, уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Юридического института
Российского университета транспорта,
кандидат юридических наук;
anna-repeva@yandex.ru

of Internal Affairs of Russia, 176—178, 2019. (In Russ.).

11. Repiev A. G., Kashkina Ye. V. Special principles to implement administrative supervision over persons released from correctional institutions: essence, content and types. Administrative law and administrative process, 61—65, 2019. (In Russ.).

12. Melikhov A. I., Kostyuchenko N. I. Key factors to ensure national security in the sphere of migration. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 134—141, 2024. (In Russ.).

Repieva Anna Mikhailovna,

acting head of the department of criminal law,
criminal procedure and law enforcement activities
of the Law Institute
of the Russian University of Transport,
candidate of juridical sciences;
anna-repeva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *